

*В.В. Фурсова*  
*Д.Р.Гимадеева*  
*КФУ, Казань*  
*V. V. Fursova*  
*D.R. Gimadeeva*  
*KFU, Kazan*

## **Образование как фактор социальной мобильности в меняющемся мире**

**Аннотация.** В статье рассматривается образование, его роль в социальной мобильности. На основе анализа теоретических концепций делается вывод о его трансформации в зависимости от исторического типа стратификации. Теоретические положения и данные исследований российского общества показывают, что в условиях информационного общества новым трендом образования становится компетентностный подход, активно развиваются дистанционные формы образования, дополнительное обучение, переобучение, повышение квалификации.

**Abstract.** Education has a major impact on social mobility. As the analysis of theories shows, education changes depending on the historical type of stratification. Theoretical propositions and research data of Russian society show that in the conditions of an information society, information and a competence-based approach are becoming a new trend in education, distance forms of education, additional training, retraining, and advanced training are actively developing.

**Ключевые слова.** Образование, информационное общество, социальная мобильность, неравенство, образовательная мобильность.

**Keywords.** Education, information society, social mobility, inequality, educational mobility

В современной социологии образовательная мобильность рассматривается как важное условие продвижения индивида в объективных и субъективных координатах мобильности. Как в прошлом, так и в настоящее время, образовательная мобильность служит не только функциональным целям получения более высокой заработной платы или более высокой должностной позиции. Споры вокруг роли и реального значения *образования* как фактора мобильности не утихают до сих пор, так как ответ на данный вопрос внес бы ясность в ряд проблем, касающихся степени открытости/закрытости общества, барьеров мобильности, справедливости и рациональности существующих механизмов социального продвижения. П.Сорокин – основатель теории социальной стратификации и мобильности, пришел к выводу, что социальные институты выполняют роль каналов мобильности. Образование в этом ряду является одним из важнейших социальных институтов, основной функцией которого является трансляция интеллектуального наследия новым поколениям, формирование профессиональной структуры общества. Также Макс Вебер отмечал важность образования, которая влияет на его принадлежность к той или иной статусной группе, определяя позицию в социальном пространстве. П.Бурдье говорит о культурном капитале как важном факторе формирования места индивида. Таким образом, логично складывается вывод - чем выше уровень образования, тем выше статус индивида в обществе. П.Штомпка соглашается с этой функцией образования: «Образование в современном обществе является одним из важнейших и признанных механизмов увеличения собственного состояния - обретения лучшей работы, более высоких заработков, более высокого уровня жизни»[1, с. 356.]. Ограничение образовательных шансов становится весьма типичным проявлением дискриминации. Углубление имущественного неравенства, усиление бедности лишают возможности получить образование, которое требует

больших денежных затрат, недостатки культурного капитала также уменьшают шансы успешной сдачи экзаменов.

Подход Ф.Шереги также основан на институциональном подходе, при котором образование рассматривается как социальный институт - механизм воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, латентное содержание которого заключается в воспроизводстве распределительных отношений[2, с. 12.]. Это выражается в стремлении личности занять в социальной структуре общества тот статус, который обеспечивает наиболее благоприятную позицию в распределении общественных благ, «вытеснив» из этих отношений старшее поколение.

Углубленный анализ темы демонстрирует вопросы и противоречия, нуждающиеся в научном осмыслении: каковы механизмы социальной селекции внутри данного социального института? От решения данного вопроса зависит оценка образования как канала социальной мобильности. Насколько оно способствует развитию общества, давая возможность росту и самореализации членам общества, либо, напротив, является барьером мобильности ввиду недоступности?

Исследователь Д. Л. Константиновский [3, с. 312] большое внимание уделяет образованию, подчеркивая, что в силу выполняемых им функций, оно решает вопросы равенства, дифференциации, мобильности. И потому, ключевую роль играют принципы реального распределения возможностей, предоставляемых обществом индивидам в области образования, то есть, шансы учиться, получать знания, квалификацию. Именно ресурсы, получаемые в сфере образования, открывают доступ в дальнейшем к продвижению в социальной иерархии, поскольку освоение многих ролей, обретение определенных статусов практически детерминируется учебой, прохождением через формальные организации института.

В современном информационном обществе, логично предположить, что образование как социальный институт подвергается трансформации. Шереги, в своем исследовании, проводит исторический анализ развития института, демонстрируя, что образование как социальный институт не статичен, скорее, наоборот, имеет тенденцию к изменениям, исходя из исторического типа мобильности. Так, в первобытном обществе суть образовательного процесса сводилась к подражанию, с усложнением социальных отношений, появляется новая функция образования – воспитание, феодальный строй привносит черты принуждения, в капиталистическом обществе основная функция образовательного процесса – обучение. В условиях информационного общества главной чертой образования становится информирование, под которым понимается широкое, имеющее своей основной формой компетентностное образование, возможно, преимущественно в форме дистанционного; оно основано на использовании будущим поколением овеществлённого духовного потенциала всех прошлых цивилизаций, или упрощённо говоря — эксплуатации истории. Можно сделать вывод о существенных изменениях в сфере образования в современном обществе.

Говоря о российском образовании, ученые далеки от единства в оценке социального института образования с точки зрения его воздействия на процессы мобильности в обществе. Н. Седова отмечает: «Еще один социальный лифт, дающий шанс желающим подняться по общественной лестнице, - это образование. Теоретически исходные позиции у подножия этой социальной лестницы равны: Однако это лишь на первый взгляд, школьные программы и качество образования значительно разнятся и между регионами, и в разных районах крупных городов. А значит, те, кто учился в привилегированной школе, имеют больше шансов» [4]. То есть в сфере образования актуальна проблема разности шансов в зависимости от фактора центр-периферия, актуален фактор стратификации регионального развития. Введение Единого государственного экзамена рассматривался как решение

данной проблемы. Действительно, вне зависимости от того, где получено среднее образование, баллы, набранные в результате сдачи ЕГЭ, дают возможность подавать документы в любой вуз. Эксперты отмечают, что «процесс отбора студентов становится более прозрачным и понятным, с одной стороны, преодолеваются пространственные рамки. Здесь целесообразно применить веберовскую концепцию жизненных шансов: нельзя игнорировать неравенство уровня образования, доступность качественного обучения в престижном учебном заведении для всех слоев российского общества именно в зависимости от способностей и стремлений индивида. Такой принцип является пока не достигнутым идеалом, что подтверждают многочисленные факты нарушений при сдаче ЕГЭ и принятии абитуриентов в вузы: поддельные справки об инвалидности, ЕГЭ-туризм, использование мобильных телефонов во время экзамена – далеко не полный перечень лазеек, которые показали несостоятельность такой формы сдачи экзаменов как эффективного «сита» по отбору наиболее талантливых и одаренных.

Д. Константиновский в своем обширном исследовании неравенства российского образования выделяет ряд характерных барьеров. Так, в основе социокультурного барьера лежат различия: – в образовании родителей; – в сфере их занятости; – в занимаемых ими должностях. Территориальный барьер обусловлен различиями: – в типах населенных пунктов; – в расстоянии от места проживания до школы; – в транспортных возможностях; – в количестве школ в пределах потенциальной доступности; – в уровне урбанизации. Экономический барьер порождается различиями: – в материальном положении семей; – в уровне «компьютеризации» семей; – в расходах на обучение детей в школе.[4, с. 208]. Ученый выделяет институциональный барьер, который существенно отличается от прочих ограничений доступности общего образования. Если территориальные, социокультурные, экономические факторы неравенства воспроизводятся системой образования, то институциональные ограничения ею создаются.

Происходит это вследствие тесных связей института образования с обществом в целом.

В исследовании А. В. Стрельниковой с соавторами приведены интересные результаты о том, что в России уровень образования не имеет прямой связи с уровнем знаний (компетенциями) индивида, в то время как в западных странах такая зависимость наблюдается (чем выше уровень образования, тем выше уровень измеренных компетенций) [5]. Как следствие, при анализе траекторий социальной мобильности далеко не во всех случаях корректно принимать формальное образование за устойчивый группообразующий признак или индикатор «реального» образовательного статуса, поскольку обладатели одного и того же образовательного статуса могут принадлежать к разным социальным слоям и различаться по образу жизни, ценностным ориентациям, потребительским практикам. В более новых исследованиях авторы уделяет пристальное внимание появлению нового формата образования: «дистанционное обучение обеспечивает качественное образование, персонифицирует учебный процесс, наиболее полно реализует принцип непрерывного образования – «учись когда, как и где тебе удобно». Эти изменения происходят в соответствии с новыми тенденциями в обществе, с одной стороны, с трендом к информированию и компетентному подходу, с другой. Таким образом, традиционный фактор социальной мобильности – образование - трансформируется под воздействием сетевых технологий.

### Литература

1. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с. С. 356.
2. Шереги Ф.Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2015. – С. 12-36.

3. Konstantinovskiy D., Smolentseva A., Froumin I., Lisyutkin M. (2018) Stratification by the State and the Market: High Participation Higher Education in Russia. In: B. Cantwell, S. Marginson, A. Smolentseva (eds). High Participation Systems of Higher Education. Oxford University Press: 295-333.
4. Семенова В. В., Полухина Е. В., Рождественская Е. Ю., Стрельникова А. В. Социобиографический подход к социальной мобильности: научный замысел и его реализация // Социологический журнал. 2016. № 3. 143-164.
5. Н. Седова. «Лифт вызывали?» // Еженедельный журнал «Профиль», 17.05.2010
6. Константиновский Д.Л. Неравенство в российском образовании: XX — начало XXI вв. // Образование и социальная дифференциация [Текст]: колл. моногр. / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева ; Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики, Институт образования. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 203-225.